

Юй Хуэй была старшей сестрой Тан Юйхуэя, но он никогда её не видел. Причина была проста: она умерла двадцать четыре года назад.

Семья Юй занимала очень высокое положение в обществе. Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй были известными учёными, причём из тех выдающихся личностей, что добились значительных успехов не только в теории, но и в практической сфере. Но дело было не только в социальном статусе — их финансовое положение тоже было исключительным.

Юй Чжэнцзэ, хоть и был выходцем из бедной семьи, обладал настолько незаурядными способностями, что одинаково преуспевал в трёх сферах: научной, промышленной и деловой, мастерски балансируя между академическими интересами и прибылью. Тан Жуй же была единственной дочерью главы купеческой семьи из Сучжоу, чья торговая династия насчитывала сто лет, благородной дамой до мозга костей. Не будь она так поглощена палеонтологией — довольно экзотическим хобби, она бы наверняка встала во главе семейного бизнеса, и с её-то умом играючи бы с этим справилась. Однако её помыслы лежали в иной плоскости, и управление состоянием временно доверили её кузену. Впрочем, если бы Тан Жуй однажды пресытилась своими изысканиями, ей бы вовеки не пришлось заботиться о хлебе насущном: она жила бы в роскоши и достатке.

Они познакомились в университете — в том возрасте, когда юношеский максимализм заставляет смотреть на всё свысока. Оба были полны энергии и энтузиазма, оба невероятно талантливы и, по удивительному совпадению, одинаково знамениты и красивы.

К последнему курсу Юй Чжэнцзэ, благодаря патенту на одно из своих экспериментальных исследований, уже погасил все кредиты на обучение. Ещё не получив диплом бакалавра, он работал над докторской диссертацией и на накопленные за время учёбы деньги купил небольшую квартиру рядом с университетом — лишь для того, чтобы по утрам не тратить время на дорогу из общежития. Тан Жуй же была знаменитой красавицей факультета, причём её красота была неземной, словно создающей дистанцию. Она была живой достопримечательностью на длинной аллее от женского общежития до лаборатории: всегда в простых, но элегантных платьях, стоимость которых превышала полугодовые расходы обычной студентки. Она никогда не красилась, а если изредка и наносила лёгкий макияж, это становилось новостью университетского масштаба.

Нет ничего удивительного в том, что выдающиеся люди притягиваются друг к другу. Удивляло то, что они по-настоящему полюбили друг друга и поженились. Этот брак даже спустя годы после выпуска вызывал пересуды среди их знакомых. Вероятно, в подсознании обывателей живёт мысль, что две столь сильные личности должны отталкивать друг друга. Никто не ожидал, что даже у умных людей случается слепая любовь.

Но острые углы нельзя сгладить — они лишь становятся болезненными шипами. Пожалуй, многие скрытые проблемы потому и опасны, что за ними стоят вполне реальные причины будущих бед, которые поначалу просто таятся, не проявляя себя. Любви на вершине действительно не хватает твёрдой почвы под ногами — будь то башня из слоновой кости или пирамида.

После свадьбы чувства Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй постепенно остыли. Между ними не было острых конфликтов, просто оба ставили себя на первое место. В сложном мире взрослых любовь — не самое важное. Впрочем, и разводиться не было никакой необходимости, ведь более подходящего партнёра для брака всё равно было не найти.

Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй жили как соседи в одном пространстве, каждый был занят своими делами, и этого было достаточно, чтобы заполнить всё личное время. Казалось, этот существовавший лишь на бумаге брак со временем должен был раствориться, а затем мирно закончиться, когда о нём все забудут. Однако неожиданное рождение дочери, Юй Хуэй, изменило ситуацию, похожую на стоячую воду.

Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй не смогли стать хорошими супругами, но, как ни странно, оба захотели стать хорошими родителями. Дочь оказалась невероятно эффективным клеем в их прохладных отношениях. Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй начали вести себя как настоящая пара, заботящаяся о ребёнке. А забота, направленная на семью, порой не имеет чётких границ и создаёт иллюзию, что все любят друг друга.

Окружённая безграничной родительской любовью, Юй Хуэй росла умным и красивым ангелочком. Покровительство семьи было лишь её крыльями, но не её сиянием. Умная и прекрасная, она как две капли воды походила на Тан Жуй. И как она, уже в начальной школе Юй Хуэй проявила унаследованный от отца выдающийся интеллект. Она прекрасно разбиралась в математике. В пятом классе она изучала программу старшей школы и перед переходом в среднюю школу уверенно заявила родителям, что станет великим математиком.

Однако ей не суждено было прикоснуться к безграничному и прекрасному миру логики. Её время навсегда остановилось в последнее лето перед началом средней школы. В шестом классе Юй Хуэй тяжело заболела и взяла академический отпуск на год, но так и смогла вернуться в школу.

В тот год, когда их дочь лежала в больнице, Тан Жуй была на грани нервного срыва. Она взяла длительный отпуск в исследовательском институте и находилась в состоянии, близком к

увольнению. Юй Чжэнцзэ держался чуть лучше, но и он приостановил значительную часть своих проектов.

Они перепробовали все возможные средства. За всю свою жизнь эта пара ни разу не сталкивалась с задачей, которую не могла бы решить. Но порой возможности человека ограничены — эти почти безупречные победители по жизни не смогли купить здоровье дочери ни деньгами, ни статусом.

Юй Хуэй только-только сделала первый шаг, чтобы объять этот прекрасный мир, как навсегда попрощалась с ним. Она была доброй девочкой и переживала лишь о том, как сильно будут страдать родители — они так её любили, им будет невыносимо больно.

В первые месяцы после потери Юй Хуэй Тан Жуй была практически недееспособна. Она не впадала в истерику — будучи сильной и прекрасной женщиной, она считала подобные проявления эмоций недостойными, почти постыдными. Но дом семьи Юй пропитался ледяным, тлетворным запахом горя. Два гордых человека даже страдали холодно и молча. Тан Жуй до безумия тосковала по дочери. Юй Чжэнцзэ скорбел не меньше, но ещё сильнее мучился присутствием в доме полубезумной женщины. Обсудив всё, они заключили соглашение и решили попробовать завести ещё одного ребёнка.

Попробовать. В этом слове заключался весь первоначальный смысл жизни Тан Юйхуэя.

Плач, вероятно, первая реакция младенца на мать, и в природе этого крика уже заложена не столько боль, сколько жажда нежности. Каждый новорождённый инстинктивно тянется к матери, окутанный чувством абсолютной защищённости, которое даёт любовь, и движимый всепоглощающим, трепетным любопытством к миру. Тан Юйхуэй не был исключением. В тот миг, когда он огласил мир своим криком и открыл глаза, он увидел необъяснимо безмолвные и скорбные глаза Тан Жуй. Тогда он, конечно, и подумать не мог, что был всего лишь заменой.

В детстве Тан Юйхуэю часто говорили, что у него девчачье имя, а ровесники постоянно спрашивали: «Почему у тебя мамина фамилия?» Маленький Тан Юйхуэй не знал и спросил учительницу. Та, смутившись, уклончиво ответила, что папа, наверное, очень сильно любит маму, поэтому и уступил ей такую почётную привилегию.

Малыш ещё не понимал, что такое любовь, но смутно чувствовал, что учительница не права. Потому что он редко видел маму и папу вместе. Чаще всего их обоих не было дома, и о нём заботилась няня. Поначалу маленький Тан Юйхуэй очень привязывался к няням, но потом перестал, потому что мама очень быстро их меняла. Мама никогда не хотела проводить с ним время, но при этом всегда была недовольна теми, кто находился рядом с ним.

Однажды Тан Юйхуэй слишком долго гулял во дворе на ветру и к вечеру немного простудился, поднялась небольшая температура. Сквозь пелену недомогания он услышал, как его всегда такая прекрасная и молчаливая мама ледяным тоном приказала его самой любимой няне немедленно собрать вещи и уйти.

Забота матери о его здоровье граничила с неврозом, а отец лишь заставлял его решать задачи и читать книги. Они оба были очень строгими, каждый по-своему, но в детстве Тан Юйхуэй принимал это за любовь, ведь забота о здоровье и высокие требования — это способы выражения родительских чувств. Позже он понял: да, это формы проявления любви, но не единственные.

Детство Тан Юйхуэя было невероятно скучным и одиноким, и так продолжалось вплоть до лета перед его средней школой. Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй наконец смирились с тем, что он — не Юй Хуэй и не сможет её заменить, и рассказали ему всю правду.

Хотя Тан Юйхуэй был проницателен не по годам и уже догадывался, что родители не особо его любят, правда оказалась слишком жестокой. В подростковом возрасте он с горечью сравнивал себя с никогда не виденной им сестрой и приходил к выводу, что, возможно, действительно уступает ей талантами. Но потом ему приходила в голову другая мысль: даже будь он намного умнее сестры, Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй всё равно бы его не любили.

Несмотря на боль и одиночество, Тан Юйхуэй вырос молчаливым, но не озлобленным юношей. После того как он преодолел возраст, в котором умерла Юй Хуэй, родители перестали им интересоваться. Тан Юйхуэй никогда не испытывал недостатка в материальных благах, но никто не осведомлялся, о чём он думает.

Несмотря на всё это, в семье Юй существовали два негласных правила, которые Тан Юйхуэй прекрасно знал. Это были две нерушимые заповеди, которые Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй вывели резцом в его душе при рождении. Если вкратце, от Тан Юйхуэя требовалось две вещи: во-первых, он не имел права не быть выдающимся; во-вторых, он не имел права не быть здоровым.

— Они уже очень, очень давно мне не звонили. С тех пор, как я уехал из дома, — тихо произнёс Тан Юйхуэй, лёжа на траве. Воздух над ним, казалось, был пронизан тяжёлой, безмолвной и необъятной скорбью.

Его голова покоилась на животе Кан Чжэ, поднимаясь и опускаясь в такт спокойному дыханию.

— В последний раз я видел маму в больнице. Это было в прошлом году. У неё диагностировали рак груди. С постановки диагноза прошло несколько месяцев, но мне никто не сказал. Я узнал об этом случайно, от старшего товарища по университету, который учился в аспирантуре в мамином институте. Он сообщил мне, когда приехал на конференцию.

Даже спустя год Тан Юйхуэй отчётливо помнил тот день. Погода была неважная. Тема конференции не касалась его области, он пришёл туда только потому, что его позвал старший товарищ, и слушал в полудрёме. Во время перерыва тот, кого он давно не видел, поспешно подошёл к нему. В его взгляде читалась неподдельная жалость. Он несколько мгновений смотрел на Тан Юйхуэя, а затем, словно с трудом подбирая слова, спросил:

— Сяо Тан, как... как здоровье профессора Тан?

В тот вечер, добравшись до больницы, Тан Юйхуэй потратил немало сил, чтобы попасть в палату: его имени не было в списке членов семьи, допущенных к посещению.

Когда он открыл дверь и увидел Тан Жуй, бледную, полусидящую на кровати, глаза его мгновенно наполнились жаром. В этой женщине, когда-то столь обласканной небесами, вдруг проступило ощущение увядания и тлена. Он всегда думал, что Тан Жуй никогда не постареет. Юй Чжэнцзэ не было. Рядом с ней сидел лишь её ассистент, который молча выслушивал рабочие распоряжения.

Увидев Тан Юйхуэя, Тан Жуй мгновенно помрачнела. Её лицо исказилось от гнева, словно сын оскорбил её своим появлением, но этот гнев был глубоко спрятан под ледяным инеем безразличия. Возможно, тревога затуманила ему взор, но в тот миг Тан Юйхуэю показалось, что на её лице мелькнула тень страдания.

— Что ты здесь делаешь? — холодно спросила Тан Жуй. — Ты здесь не нужен. Иди занимайся своими делами.

— Мама... почему ты мне не сказала?.. — с болью спросил Тан Юйхуэй.

— А какой в этом смысл? — с раздражением бросила она. — Ты что, врач? Занимайся собой.

В тот день, даже проявив безграничное терпение, Тан Юйхуэй так и не смог договориться с матерью. Её болезнь была не в той стадии, когда уже ничего нельзя было сделать, но она отказывалась от лечения. После его визита она быстро сменила больницу и оборвала их и без того редкие контакты. Слова Юй Чжэнцзэ тоже были уклончивы, но основной посыл обоих родителей был ясен: Тан Юйхуэю не следует в это вмешиваться.

Прошёл год. И вот теперь Тан Юйхуэй лежал на душистой траве, вдыхая её аромат. Закат окрасил горы красным, кромка небес подёрнулась золотом. Кан Чжэ молчал с самого начала его рассказа. Он мягко провёл рукой по волосам Тан Юйхуэя и наконец спросил:

— Тётя... с ней сейчас всё в порядке?

Тан Юйхуэй долго молчал, прежде чем тихо ответить:

— Не знаю. В прошлом году моя душа была полна хаоса, — продолжил он. — Я постоянно беспокоился, началась неврастения, бессонница, кажется, даже анорексия. Я перепробовал всё, чтобы заставить маму лечиться, но меня никто не слушал. В то время проект, который я вёл в магистратуре, как раз входил в завершающую стадию. Я испытывал колоссальное давление, каждый день жил как в тумане, был в полной растерянности. Тогда один студент... мой сосед по комнате в бакалавриате, мы неплохо ладили... присоединился к моей группе. Но я не ожидал, что он, оказывается... так меня ненавидит... даже... презирает...

Тан Юйхуэй помолчал и продолжил:

— Он провернул небольшую махинацию. Вместо проведения экспериментов в своей части работы он использовал данные из неопубликованного зарубежного исследования. Не знаю, где он раздобыл данные. Отчасти в этом виноват и я. Моя жизнь тогда была похожа на запутанный клубок, я просто не замечал таких мелочей. Отклонения в данных были незначительными, а его профессиональная репутация — безупречной. Мне в голову не пришло проверить источник данных, и я, обработав всё, дошёл до защиты. Но как раз перед защитой то исследование внезапно опубликовали. Когда на защите меня спросили об этом, я был совершенно растерян и думал об одном: почему?

Рука Кан Чжэ на мгновение замерла, а затем, словно пытаюсь утешить, его ладонь прошлась вверх от самых кончиков волос Тан Юйхуэя, нежно коснувшись уха.

— По решению университета, — медленно продолжил Тан Юйхуэй, — наказали нас обоих. Я был руководителем группы, и хотя это была не моя часть работы, нёс полную ответственность. Меня потребовали отчислить по обвинению в академической недобросовестности, а тот парень не получил диплом магистра.

Тан Юйхуэй сделал паузу, взял руку Кан Чжэ, гладившую его волосы, и прижал к своей груди.

— Такое важное событие, конечно, не могло укрыться от моего отца. Он был в ярости и выгнал меня из дома. Но его влияние велико, и, видимо, он переговорил с ректором. Подобные скандалы всегда стараются замять по-тихому, и моё наказание, не успев вступить в силу, странным образом превратилось в безобидное «Отложить выпуск на год в связи с сомнительной ценностью темы».

Помолчав, Тан Юйхуэй горько усмехнулся.

— Одногруппник, намеренно подставивший меня, не был особо удивлён. Его отчислили, но, кажется, его это не очень волновало. Он сказал мне, что давно хотел уйти из этой сферы и решил напоследок посмотреть, сможет ли утащить меня за собой в грязь. Я до сих пор помню, как он был по-настоящему счастлив, словно обрёл освобождение. Уходя, он бросил мне: «Я так и знал. Тебя таким не проймёшь».

Здесь Тан Юйхуэй снова замолчал, а потом улыбнулся.

— Конечно не проймёшь. Даже если бы меня отчислили, со мной бы ничего не случилось из-за подобной ерунды. Мне было всё равно. Единственное, от чего я бежал — от осознания, что меня выгнали из дома, и от правды, которую давно понял: мои родители меня не любят. В день, когда я уходил из дома, я случайно столкнулся с мамой. Я не видел её полгода. Мне бросилась в глаза её болезненная худоба. Взглянув на меня, она мгновенно сделала строгое лицо. Зная всю историю от начала до конца, она сказала мне лишь одну фразу: «Если бы твоя сестра...»

Тан Юйхуэй накрыл свои глаза широкой ладонью Кан Чжэ. Прохладный воздух, словно остывший туман, безмолвно собирался в этой ладони.

— А-Чжэ, знаешь? Тот детский вопрос... повзрослев, я всё понял. Моя фамилия Тан не потому, что папа сильно любит маму. А для того, чтобы сохранить имя Юйхуэй. Красивое у меня имя, правда? В нём есть мама (Тан — 田), есть папа (Юй — 刘), есть сестра (Хуэй — 惠). Есть счастливая семья... только меня там нет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130182>